

Сергей Молодняков

ЗАПИСКИ ЮНОГО СИНОПТИКА

СЛУЖУ
РОССИИ!

Служу России!

Сергей Молодняков

Записки юного синоптика

«Горизонт»

2017

Молодняков С. А.

Записки юного синоптика / С. А. Молодняков — «Горизонт»,
2017 — (Служу России!)

Книга «Записки юного синоптика» посвящена курсантским годам и периоду становления молодого офицера-метеоролога. События, рассказанные в ней, происходят в эпоху наивысшего расцвета Советского государства, когда немыслимо было даже представить трагедию, которая разрушит страну и её армию, спустя всего несколько лет. Автору удалось достоверно передать повседневный курсантский и лейтенантский быт, мысли и настроения молодых людей того времени и уже почти забытый аромат «восьмидесятых». Несмотря на плотное погружение в будни и специфику курсантской жизни, а затем и служебную деятельность авиационных синоптиков, благодаря лёгкости изложения, и присущему автору чувству юмора и самоиронии, повествование не позволяет читателю скучать. В основу книги легли дневниковые записи и воспоминания начальника Гидрометеорологической службы Вооружённых Сил Российской Федерации (2009-2012 гг.), заслуженного метеоролога Российской Федерации, почётного полярника, кандидата технических наук, члена Союза писателей России, лауреата международных и всероссийских литературных конкурсов, полковника запаса Сергея Александровича Молоднякова. Книга, несомненно, будет интересна тем, кто интересуется историей советской военной гидрометеорологии и подлинной историей жизни советских людей, накануне трагических событий 90-х годов 20 века.

© Молодняков С. А., 2017

© Горизонт, 2017

Содержание

Предисловие	5
Глава I	8
Поступление	8
Курс молодого бойца	17
Присяга. Первый семестр	21
Второй семестр	40
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Молодняков С.А.

Записки юного синоптика

Предисловие

Как появились на свет «Записки юного синоптика», которые вы держите в руках, что предшествовало их появлению?

Книги, как дети, задумываются и рождаются по-разному. Одним их приносит добрый аист творческого озарения, появление на свет книг у солидных персон связано с суррогатным авторством.

Наверное, самый правильный вариант, когда замысел книги долго вынашивается, вызревает, потом неторопливо пишется и к удовольствию издателя плавно входит в его производственные планы. Так работали плодотворные творцы в эпоху социалистического реализма.

В мировой практике нередки случаи, когда известный, маститый автор связан многолетними договорными обязательствами со своим издателем и просто обязан в строго определенных сроки предоставлять произведения оговоренного объема. Это похоже на рождение ребенка к конкретной дате или событию. В прежние времена, например, люди были вынуждены как-то подгадывать время рождения своих чад к моменту получения квартиры, дабы она была побольше, сейчас берут в расчет получение материнского капитала.

Но есть дети и книги – незапланированные, неожиданные, ставшие нечаянной радостью и головной болью для всех, включая самого автора. Предлагаемые вашему вниманию записки относятся именно к таковым.

Конечно же, совесть моя была неспокойна, так как я помнил о своём обещании, данном в своей предыдущей книге¹, подробнее рассказать о наиболее памятных событиях собственной биографии. К тому же ваш покорный слуга был принят в Союз писателей России, что, согласитесь, накладывает определенные обязательства. Моё скромное участие в коллективных литературных сборниках и книгах являлось слабым оправданием молчания молодого литератора. Тем более что рекомендации для вступления мне дали такие уважаемые и творчески активные члены Союза писателей России, как автор многочисленных книг по новоземельской тематике, истории и настоящем дне российского флота вице-адмирал Виктор Степанович Ярыгин и известный писатель-маринист, автор более шестидесяти книг капитан 1-го ранга Владимир Виленович Шигин. Даже награждение дипломом Всероссийского литературного конкурса «Твои, Россия, сыновья!» за книгу стихов и прозы «Облако в погонах» не подвигло меня к немедленному выполнению своего обещания, ибо первый раз прыгнуть с парашютом способен практически любой человек, а вот заставить себя добровольно повторить это действие способны немногие.

Итак, посыл был, но отсутствовала первооснова, чтобы приступить к столь ответственному делу. И здесь мне помог, как это часто бывает, «случай, бог-изобретатель» – переезд. Переезд – это чрезвычайная ситуация в масштабах одной семьи, тем более когда свозишь пожитки из нескольких удалённых мест в одну квартиру. Так получилось, что часть нажитого непосильным трудом имущества в течение десятилетий кочевой военной жизни складировалась в родном городе Лысково. Разбирая пыльные коробки и старые чемоданы, я наткнулся на пожелтевшие от времени рукописи моих записок, четыре тетрадки юношеских стихов, пару экземпляров подпольно «изданных» машинописных сборников поэзии курсантских лет и несколько интересных документов, относящихся к последней четверти прошлого века. Тогда

¹ Книга Сергея Молоднякова «Облако в погонах». Нижний Новгород, 2013 г.

я почувствовал себя Шлиманом, нашедшим Трою, Аладдином, попавшим в пещеру с богатствами разбойников, или старателем, случайно нашедшим заветный золотой самородок. Как мне показалось, в этот момент я обрёл точку опоры. Огромное спасибо отцу, который долгие годы собирал и хранил мои записки, и маме, которая благословила написание этой книги.

Что сподвигло меня в те давние годы оставлять свидетельства событий своей жизни? Ответ на этот вопрос (сейчас кажется, что очень самонадеянный) содержится в записи, сделанной 10 декабря 1984 года: «Зачем я пишу? Вопрос вполне резонный, ведь записанные мной сведения о погоде, событиях, настроениях, оценках, даже фильмах и книгах достаточно быстро устареют. Неужели всё из написанного является сиюминутным, мелкотравчатым лепетом юного синоптика? Не знаю, может быть, а может, что и не совсем так. Возможно, эти записки, подобно маленькому кристаллу, вберут в себя и сохранят наше время, жизнь нашего поколения. Мне просто хочется предоставить возможность нашим детям и внукам там, в туманном будущем, растопив этот кристаллик, в ожившей капле увидеть молодых отцов и дедов, почувствовать дух времени. Так что буду дерзать по мере сил».

Почитав эти записки, я словно вновь перенесся во времена далёкой молодости. Тогда и возникла мысль предоставить такую же возможность кому-то ещё.

Естественно, что главным героем данного повествования является сам автор, его взгляд и субъективные оценки происходящих событий. Необходимо понимать, что ряд событий этого периода жизни опускается, как и остается «за кадром» множество людей, встречавшихся на его пути. Нельзя объять необъятное – так говорил известный всем литературный персонаж.

В повествовании совершенно отсутствует любовно-амурная тема, нет в нём ни донжуанских списков, ни эротических сюжетов. Не волнуйтесь, уважаемые друзья, романтики и лирики в жизни автора было достаточно. Однако наш юный герой предпочитал не распространяться на подобную тему в своих записках, вполне естественно, что и сейчас умудрённый жизнью автор предпочёл об этом умолчать.

Ещё одно обстоятельство может заставить Вас усомниться в правдивости прочитанного – практически полное отсутствие «кабацких сцен» и прочего блестящего мрака казарм и военных гарнизонов. Да, действительно в советское время были непьющие, некурящие и не разговаривающие на военно-матерном языке юные лейтенанты.

Надеюсь, что вышеизложенные обстоятельства не отпугнут искущённого читателя и чтение записок не покажется ему скучным и пресным занятием.

Готовя к публикации эту книгу, я невольно столкнулся с определённой этической проблемой, и вот какой. Изначально передо мной лежали записки курсанта, затем молодого офицера. Содержащиеся в них мнения и оценки были присущи тому возрасту, тому состоянию, тому времени. В некоторых случаях они излишне резки, категоричны, даже обидны. Сейчас, с высоты своего возраста и жизненного опыта, я больше понимаю логику действий оппонентов юного Сергея и не всегда согласен с его оценками. Но все-таки решил, что не следует вносить цензурные правки в тексты записок, потому как тогда повествование превратится в неправду. Своей задачей я определил лишь небольшую «реставрацию» этого материала, а не производство мемуарного «новодела».

Поэтому заранее прошу прощения, если кого-то невольно обижу. Прежде всего, это относится к начальнику нашего курса подполковнику Николаю Степановичу Сотскову. Вполне искренне, я ещё в первой книге назвал его в числе своих самых уважаемых учителей.

На страницах данного издания вы встретите несколько литературных этюдов, рисунков, иллюстраций и фотографий, ранее уже опубликованных в первой книге автора. Увы, но без них рассказ о жизненном периоде, запечатленном в «Записках», был бы неполным.

Не могу не обратиться с профессиональным приветом к своим друзьям-товарищам из Гидрометеорологической службы Вооруженных Сил России, полковникам: Владимиру Викторовичу Удришу, Владимиру Николаевичу Орлову, Павлу Александровичу Тимофееву, Дмит-

рию Алексеевичу Попову. Замечательно, что наша военная гидрометеорологическая семья стараниями именно этих руководителей остаётся сплоченной и высокопрофессиональной.

Пользуясь случаем, хотелось бы высказать слова искренней благодарности коллегам по работе в АО «Корпорация «ВНИИЭМ» Роскосмоса, поддержавшим написание данной книги дельными советами и помощью в оформлении материалов: Сергею Васильевичу Скворцову, Олегу Анатольевичу Никонову, Вячеславу Арсеньевичу Ермакову, Андрею Владимировичу Макарову, Игорю Александровичу Молоднякову и Олегу Викторовичу Пятыгину.

Традиционные слова признательности «повивальной бабке» нашего нового проекта, другу и единомышленнику Сергею Николаевичу Головнёву. Пожалуй, он единственный, кто изначально верил в успешное завершение задуманного мной, верил в мои силы – даже тогда, когда я сам начинал в них сомневаться.

Низкий поклон небольшому, но дружному коллективу сотрудников нижегородского издательства «БегемотНН» за профессионализм и доброжелательное отношение.

Глава I

Первый курс (1979–1980 гг.)

Без вины виноватые

Поступление

Главный вопрос, который долгие годы мучил моих школьных друзей и близких: почему я стал профессиональным военным? У меня до сих пор нет однозначного ответа на этот, казалось бы, элементарный вопрос. С одной стороны, я знал, что, по меньшей мере, три известных мне поколения родственников-мужчин служили в армии. Многие из них воевали, некоторые, как мой родной дед по отцовской линии Павел Иванович Молодняков, погибли. На тот момент в апреле 1942 года ему было всего тридцать три года. Мои прадед по материнской линии Иван Константинович Ковалёв вернулся с Первой мировой войны с серебряной медалью и увечьем. Где воевал прадед Иван, доподлинно не знаю, в памяти всплывает только упоминание о Галиции.

Константин Иванович Ковалёв, мой дед Костя, начал воевать в 43-й гвардейской стрелковой Латышской дивизии и боевое крещение получил в ноябре 1942 года, в ожесточённых наступательных боях в Новгородской области, между озёрами Ильмень и Селигер. О том, насколько были тяжёлыми бои, говорит то, что за три месяца боёв дивизия уничтожила более восемнадцати тысяч фашистов и потеряла убитыми более восьми тысяч своих бойцов и ранеными около двадцати тысяч. За бои по уничтожению немецких захватчиков в «демянском котле» (январь – март 1943 года) рядовой Константин Ковалёв был награждён медалью «За боевые заслуги». Позднее при артобстреле ему осколком повредило несколько пальцев правой

руки. После излечения в госпитале он бы направлен из пехоты служить в запасной артиллерийский полк.

Отец, Александр Павлович Молодняков, честно отслужил три года в Советской Армии в городе-герое Ленинграде, уволился на «гражданку» в звании сержанта.

Мой прадед Иван Константинович Ковалёв, в возрасте 90 лет. 1973 г.

Мой дед Константин Иванович Ковалёв перед отправкой на фронт. 22 сентября 1942 г.

Мой отец Александр Павлович Молодняков. 1959 г.

Да, в нашем роду не принято было «косить», то есть уклоняться от выполнения священного долга. Но одно дело – исполнить обязательную солдатскую повинность или в годину испытаний встать вместе со всем народом на защиту Родины, и совсем иное – избрать в качестве жизненного пути профессию кадрового военного. Да и родные края не могли мне поведать о

недавних «боях-сражениях», так как ратное прошлое лысковской земли закончилось ещё во времена Ивана Грозного.

Правда, перед глазами был живой пример в лице Александра Павловича Канина, супруга моей любимой тётушки Дины Константиновны, на тот момент – подполковника метеослужбы главного штаба ВВС. Но он, хорошо зная мой независимый образ мыслей, агитационной работы со мной не проводил, к тому же перед глазами был пример его родных племянников, избравших для себя сугубо мирные гражданские профессии.

В юные года все мои помыслы были крайне далеки от суровостей армейских будней. Учёба в музыкальной школе, увлечение рисованием, первые пробы пера в стихосложении и прозе, глубокое погружение в классическую рок-музыку, запойное чтение и мечты, мечты...

Александр Канин в курсантские годы

Подполковник Александр Павлович Канин

Д.К. Канина и А.П. Канин с дочками Лилей и Региной. 1971 г.

И куда я только не собирался поступать после окончания школы! До последнего момента в моих планах значились и Строгановское художественное училище, и Литературный институт имени А.М. Горького, и режиссёрский факультет ГИТИСа, и Историко-архивный институт. А

в сторону филологического факультета Горьковского университета им. Н.И. Лобачевского я даже сделал практические шаги, прошёл медицинскую комиссию и получил справку о том, что «к профессии филолога годен». Любопытно, какие медицинские ограничения существуют у этой героической профессии?

Параллельно я прошёл медкомиссию в военное училище, решив для себя, что не будет большой беды прокатиться в Воронеж в начале июля за казённый счёт. Если что – к августу, началу вступительных экзаменов в гражданских вузах, я успеваю бы вернуться в Горький. Перед поездкой свои длинные волосы лишь слегка подравнял, но радикально менять причёску не стал.

Когда в первых числах июля я уезжал на автобусе в Москву, то отец, провожавший меня, всем своим видом давал понять, что этот мой хитрый план «раскусил». Выразив уверенность в нашей скорой встрече, он, наверное, невольно, но задел моё самолюбие. Тогда я в первый раз всерьёз подумал о том, что буду добиваться поступления в училище.

Погуляв несколько дней по Москве, получив наставления от дяди Саши Канина, на поезде направился в Воронеж.

11–28 июля 1979 года

В училище прибыл 11 июля, за пару дней до начала экзаменов. В более поздние времена в Воронежском авиационном училище, как и во многих других военных вузах, абитуриентов станут на период сдачи экзаменов отправлять в полевые лагеря, где условия проживания приближены к спартанским, абитуриенты лишены соблазнов большого города и при этом не являются разлагающим элементом для курсантской массы.

Нам повезло, экзамены мы сдавали в самом училище. Разместили нас в казарме на первом этаже, где мы и прожили затем три счастливых года.

В памяти осталось немного из событий тех суматошных дней «абитуры». Спали на двухъярусных кроватях, питались в солдатском зале курсантской столовой. Это потом мы узнали, что норма питания для курсанта посытнее и получше. А пока всё казалось очень романтичным и вкусным, даже перловая каша, которую здешние старожилы называли «кирзой» или «шрапнелью».

Контингент поступающих был очень разнообразен, впрочем, как и возраст: от неполных семнадцати до двадцати трёх лет. Из абитуриентской массы запомнились Сергей Добровольский, с гитарой и в красной рубашке, и ещё один очень взрослый товарищ, который приехал поступать пятый год подряд, для него это была последняя возможность стать курсантом.

Экзаменов было четыре: математика письменно, математика устно, физика устно и русский язык – сочинение. Кроме этого, мы должны были проходить повторную медицинскую комиссию, тестирование, называвшееся «профотбором», сдавать нормативы по физической подготовке (бег на 1 км, подтягивание на максимальное количество и бег на 100 метров). На заключительном этапе – мандатной комиссии (27–28 июля) – озвучивались имена тех, кто поступил.

Перед сдачей первого экзамена нас разделили на несколько «потоков». Набрать на курс предполагалось менее полутора сотен, а абитуриентов набралось более четырёхсот.

В первом «потоке» на экзамен запустили подавляющее большинство «иностранцев». Если сказать, что математика письменно была «ночью избиения младенцев», то это не передаст реального ужаса этого экзамена. Вариантов заданий было около десяти, в каждом – семь заданий, но сложность их была такова, что потом часть заданий не смогли решить студенты старших курсов с факультета прикладной математики, и даже преподаватели училища. Короче, это была явная диверсия, девяносто процентов сдававших получили неудовлетворительные оценки. Вашему покорному слуге повезло: трудовая «тройка». А парень-бедолага с пятью «заходами» снова уехал домой. Естественно, что в ход экзаменов мгновенно были внесены коррективы и следующие два «потока» сдавали его с совершенно другими заданиями.

Дальше было весело. Ведь «убив» на первом же экзамене большинство иногородних кандидатов, командование училища вольно или невольно получало неестественно большой процент «воронежских» курсантов на метеорологическом (престижном) факультете. А это уже давало основание усомниться в «чистоте» организации вступительных экзаменов. Поэтому для «разбавления» местного контингента оставшихся «в живых» иногородних абитуриентов несли через все остальные испытания буквально на руках.

Потом неоднократно приезжали различные комиссии из Москвы и с пристрастием допытывались о результатах тех приёмных экзаменов. Даже на втором курсе перед увольнением в город местных курсантов с нашего курса инструктировали, что при обращении к ним незнакомых офицеров, ни в коем случае не сознаваться в своём воронежском происхождении, а называться пермяком или чукчей.

Сами понимаете, что мне в каком-то смысле повезло, даже мои хилые показатели на перекладине не подпортили репутации твёрдого «хорошиста».

«Мандатка» позади, я – в числе прочих – в списке поступивших. Теперь осталось только в последний раз «гульнуть» в курсантской чайной и сходить в парикмахерскую, что на углу, чтобы полностью снять со своей головы волосы, совсем ненужные Советской Армии.

Курс молодого бойца

6 августа 1979 года

Разрешите представиться: курсант Воронежского высшего военного авиационного инженерного училища Сергей Александрович Молодняков. Немного высокопарно, не правда ли? Но придётся привыкать. Дело в том, что вчера нам довели приказ начальника училища о зачислении.

Отныне, по меньшей мере три года, мне суждено проживать в казарме. Спать буду на втором ярусе замечательной железной кровати, в ногах которой стоят стул и тумбочка, временно ставшие моими.

30-го июля нам выдали амуницию: хлопчатобумажную гимнастёрку с погонами, галифе, сапоги, ремень с бляхой, пилотку со звёздочкой, портянки и носовой платок. Всё это (кроме носового платка) – бывшее в употреблении, или, как здесь говорят, «подменка». На следующий день прошли «обряд очищения», то есть баню, где стирали выданное, просушив и погладив – надели. Я не очень удивился, обнаружив, что штаны, то есть галифе, заканчиваются на 15 см выше щиколоток. Искусство намотки портянок мне удалось постигнуть за три повторения. Совершенствовать это мастерство предстоит целых пять лет. Вообще период, в котором мы сейчас находимся, называется КМБ (курс молодого бойца) и продолжается он до присяги, вернее – до начала учебного года, то есть до 1 сентября.

Восемь часов идут занятия по строевой подготовке и изучению уставов. Каждый день занимаемся уборкой территории в училище или сельхозработами в пригородных совхозах.

Я успел три дня отлежать в местном лазарете с острым трахеобронхитом. Ничего опасного для жизни не было, но врач припугнул осложнениями, мне пришлось сдаться. Простыл на сквозняке, когда мы убрали строительный мусор в одном из учебных корпусов. Моим напарником был курсант по фамилии Хавронич, который откровенно «филонил». Да и вообще, в его повадках и внешности, в бегающих глазках проскальзывало что-то от мелких, но хитрых грызунов. Я не выдержал и сказал этому субъекту, что, помоему, ему будет очень сложно учиться в нашем коллективе. Откуда у меня такая уверенность? Вроде сам ничего ещё в этой новой жизни не понимаю. Или сказывается опыт школьной и дворовой жизни, где среди своих не принято было хитрить и обманывать?

Кстати, тогда же за работу я получил свое первое поощрение – «благодарность перед строем».

Получили планшеты, точнее, они называются сумкой полевой сержантской. После «отбоя» постигаем такое рукоделие, как ежедневное подшивание «подворотничков». Ременная бляха, когда её выдали, была зелёной, сейчас в неё можно смотреться, а в солнечный день от её блеска – просто ослепнуть.

Пока лечился в санчасти, из тумбочки растащили все мелочи: подворотнички, зубную пасту, нитки с иглками, одеколон и даже шариковые ручки. Сейчас самоподготовка, пишу чужой. Выбраться в магазин – проблема, а в «курсантскую чайную» попасть – сродни полёту на Луну.

Вчера с ещё одним курсантом нашей группы работали на продовольственном складе, таскали мешки с луком и ящики с консервами. Старшим назначили меня. Начальник склада прапорщик Мозговой написал рапорт на имя начальника нашего курса майора Сотского с просьбой поощрить курсанта Молоднякова с сотоварищем за проделанную работу. Что-то круто у меня пошло с поощрениями – надо притормозить. А на самом деле здесь подчиняешься всякому, а за малейшую провинность получаешь наряд вне очереди или больше того.

Сегодня ходили в учебный городок № 2, или, как здесь говорят, «на полигон». Это недалеко, на окраине города. Там нам показали технику, которую придётся осваивать, различные метеорологические приборы.

Первый раз насладились физподготовкой и второй раз – баней, которая длилась 15 минут. Выдали новые казённые трусы, майку и портянки.

Вымытых нас повели на беседу с начальником училища генерал-майором Мыловым, который нам объяснил, что теперь мы по званию «рядовые», а по должности «курсанты». Проходит осознание, что в статусе рядовых придётся существовать все пять курсов. Лихо! Затем до нас довели, что за разглашение военных сведений виновных постигнет суровая кара.

Разбили по группам, теперь я в первой учебной группе (111 учебная группа), во втором отделении. В номере группы первая «единица» означает номер факультета, вторая «единица» означает номер курса и третья – номер группы на курсе, то есть на пятом курсе я, надеюсь, буду учиться в 151 учебной группе.

После перегруппировки выяснилось, что в нашей 111-й группе трое ребят – из Москвы, семь человек – воронежских (в других группах местных ещё больше), а остальные – со всех концов страны. Из Нижнего, кажется, я единственный на весь курс. Забавно, что из 27 человек у нас шестеро Игорей и четверо Сергеев, так, что у нас с братом не самые уникальные имена. Да, у нас в группе ещё один сюрприз – с нами будет учиться курсант Брежнев, он из смоленской глубинки, такой маленький, упрямый мужичок.

20 августа 1979 года

Четыре дня назад за каждым из нас закрепили боевое оружие: 7,62-мм автомат Калашникова. В этот же день мы поехали на стрельбы, далеко за город. И так как я удостоился особой чести набивать вместе со старшиной курса магазины боевыми патронами (по три штуки), то упрямил его и пострелял два раза. В зачёт шёл только первый, когда я из 30 очков выбил 21. Это неплохо, тем более на фоне того, что человек двадцать, вообще не попали в мишень.

Когда ехали на стрельбище, на подъезде к понтонному мосту увидели в кювете перевёрнутую обгорелую «полуторку», дальше, метрах в ста от шоссе, стояли четыре новеньких немецких «тигра».

Поняли, что опять снимают кино про войну. А ведь в этих краях действительно шла война. Здесь летом 42-го года был образован Воронежский фронт. Линия фронта проходила через сам город на протяжении двухсот дней. Более девяноста процентов зданий было разрушено, но город фашистам не сдали. Не понимаю, почему Воронеж не удостоен звания города-героя, а лишь награждён орденом Отечественной войны? В училище много старых, ещё дореволюционных построек. Находится оно на левом берегу водохранилища, поэтому немцы, находившиеся на правом, высоком берегу, буквально изрешетили все стены зданий, полностью скрыть эти выбоины не получилось даже спустя тридцать с лишним лет.

Несколько слов об истории самого училища. Создано оно было после войны, в городе Сталинграде, как аэродромно-техническое училище ВВС. Первого января 1950 года курсанты приступили к занятиям. Приказом Министра обороны СССР этот день установлен как годовой праздник нашего училища. Значит, скоро будем праздновать его 30-летие.

В 1954 году училище перебазировали в город Мичуринск Тамбовской области, а в 1963 году – в город Воронеж. Стало оно именоваться Воронежское военное авиационно-техническое училище.

Изначально в училище была двухгодичная программа подготовки, а с 1955 года, она стала 3-х годичной.

В 1962 году в состав училища вошёл цикл подготовки военных офицеров-метеорологов.

Директивой Генерального штаба ВС СССР в 1975 году училище было преобразовано в высшее военное учебное заведение ВВС страны и получило нынешнее наименование. Было создано два факультета: первый факультет – метеорологический и второй – строительства и

эксплуатации аэродромов и аэродромной техники. На этом факультете готовят офицеров по нескольким специальностям: инженеров по эксплуатации средств аэродромно-технического обеспечения полётов, инженеров-строителей аэродромов, начальников кислорододобывающих станций и офицеров-кадровиков. Цикл обучения на этом факультете 4 года.

На нашем, первом факультете готовят только офицеров-метеорологов. Он был сформирован на основе академического курса подготовки военных инженеров-метеорологов, отрабатанном в Ленинграде, в Военной академии имени А.Ф. Можайского. Поэтому учиться мы будем целых пять лет. Зато обещают, что с таким образованием, нам будут присваиваться звания с приставкой «инженер» (лейтенант-инженер, полковник-инженер и т.д.). Заманчиво, но тянуть «курсантскую ляжку» дополнительный год – жуть.

Утренняя физзарядка с каждым днём всё усложняется и это настораживает. Бегаем с голым торсом в сапогах 4 километра, из них два км по песку вдоль берега воронежского водохранилища.

А вот сейчас скажу то, чего от меня ранее не слышал ни один человек. Мне постоянно хочется есть, а качество пищи уже давно не волнует. Уже видел, как некоторые, жмурясь от удовольствия и урча, поедали куски небритого варёного сала, выловленные из бачка. Хорошо, что у нас ещё не доходит до потасовок за подобные деликатесы. Говорят, что после присяги питание будет лучше.

Уже трое с нашего курса не выдержали и написали рапорта об отчислении. Пока это ещё безобидно – просто поедут домой, а обритые головы быстро обрастут. А вот после принятия присяги домой уже не отпустят, отчисленный курсант, сменив погоны на солдатские, отправится в одну из воинских частей – служить два года.

Воинское счастье в виде «благодарностей» мне больше не улыбается. Хотя и во внеочередных нарядах я ещё не стоял и туалеты не мыл. Но начинают «доставать» мои непосредственные командиры, командир группы и командир отделения: бывшие рядовые солдаты, которые все поступили в училище из армии. В училищной среде «дедовщина» не приживается, но первое время эти «солдатики» пытаются вживить её отдельные элементы. Очень они любят строить нас по поводу и без такового, потренировать индивидуально и группой в «отбое-подъёме», в строевых приёмах, в заправке кровати, поработать над улучшением нашего внешнего вида. Лично у меня уже три замечания за недостаточно блестящие сапоги.

Народ ропщет. Попытки бунтовать считаю напрасными. Во-первых, они казуистически, доводя до абсурда, заставляют нас жить по букве устава, а во-вторых, скоро начнётся учёба, и вот тогда пустоголовые «солдатики» сами приползут к яйцеголовым «школьникам» за помощью.

Сейчас же, когда мою свободолюбивую натуру начинает трясти от возмущения при очередном «сто двадцатом» построении, я, стоя в строю, начинаю медитировать, напеваю про себя «битловские» песенки и в мыслях улетаю далеко-далеко.

Позавчера получили своё, то есть новое летнее обмундирование: ХБ, ремни, пилотки. Полночи пришивали погоны, петлицы, подворотнички, гладились, ведь утром был праздник: 19 августа – День Военно-воздушных сил СССР.

Утром под звуки духового училищного оркестра маршируем на плацу. Затем под лучами палящего светила стоим, пока высокопоставленное начальство произносит речи, поздравления. В итоге один из курсантов нашей группы получает солнечный удар, и его незаметно уносят головой вперёд.

В этот праздничный день были некоторые послабления, мне удалось, наконец-то, вырваться в «чепок» и там поесть от души. Кстати, мои пищевые пристрастия за последнее время существенно изменились. Они продиктованы небогатым ассортиментом этого чудного места и скудностью моих финансовых возможностей. В этом месяце мы получаем, как солдаты, 3 рубля 80 копеек. В сентябре разбогатеет, станем получать уже, как первокурсники, по 8 руб-

лей 30 копеек, потом на втором курсе по 10 рублей 80 копеек, а на пятом – почти 16 рублей. Так вот, на «целковый» в чайной можно купить бутылку лимонада (посуда отдаётся), банку «кильки в томате» и сочник с творогом. Есть кильку, закусывая сочником и запивая лимонадом – что может быть вкуснее и изысканней? Если вы не пробовали сие в таком сочетании, то вам неведомо райское наслаждение, я бы даже сказал – гастрономический оргазм.

А ещё в армии по праздникам на обед дополнительно дают коржики и показывают в училищном клубе патриотические фильмы про войну.

Присяга. Первый семестр

1 сентября 1979 года

Всё. Курс молодого бойца – позади, он завершён с честью, начинается долгожданная учёба. Сегодня 1 сентября – день начала занятий.

Накануне нам выдали «парадку»: китель, брюки, рубашку, галстук, белый парадный ремень, ботинки и фуражку. Опять «кольчужка» у меня коротковата оказалась. Ну, да ладно: Родина выдала, так пусть теперь она и смеётся. Наша задача: всё это «оборудовать» и отгладить, ведь до присяги всего несколько дней.

На прошлой неделе группа впервые заступила в наряд по кухне, по той самой, которая кормит всех курсантов и солдат батальона обеспечения учебного процесса, то есть двадцать человек должны троекратно обиходить около двух тысяч голодных мужиков. Предстояло сутки отработать овощерезами, работниками в варочном цеху, посудомоями, официантами. Мне повезло – поставили в хлеборезку, резать и выдавать хлеб и масло. Но в этом наряде есть принцип: сделал свою работу – помоги тем, у кого её много, как в той же верхней (самой загруженной) посудомойке. Где три раза в день вымываются горы посуды, так как идёт «железный поток», ибо посуда вся металлическая: и тарелки с бачками под первое и второе блюда, и чайники, и кружки, не говоря о ложках и вилках. А ещё «посудомоям» надо по много раз выносить и выливать огромные баки с отходами в специальную бочку-цистерну на колёсах (для нужд подсобного свинского хозяйства).

Вечером весь наряд собирается в овощерезке, где происходит коллективная чистка картошки. Начистить надо, ни много ни мало, а три стандартных лежачих ванны. Такого размера, как в обычной городской квартире. Спать наряд уходит, только выполнив план «по картошке», в любом случае на сон остается максимум часа 3–4.

Состоялось первое комсомольское собрание группы, где надо было избрать комсгруппорга. Было выдвинуто пять кандидатур, в том числе и моя, но до голосования осталось только две, так как трое (в том числе и я) заявили самоотводы. Я свой мотивировал тем, что совершенно не знаю специфику работы комсорга, а общественную работу готов выполнять в качестве редактора «Боевого листка» и члена редколлегии курсовой стенгазеты.

А комсгруппоргом избрали Лёню Гурария.

18 сентября 1979 года

Всё. Теперь шутки – в сторону. Перед вами полноценный, присягнувший солдат. 9 сентября сего года, публично произнёсший слова: «Я, гражданин Союза Советских Социалистических Республик, вступая в ряды Вооруженных Сил СССР, принимаю присягу и торжественно клянусь...»

И далее: «Я клянусь защищать её мужественно, умело, с достоинством и честью, не щадя своей крови и самой жизни для достижения полной победы над врагами.

Если же я нарушу эту мою торжественную присягу, то пусть меня постигнет суровая кара советского закона, всеобщая ненависть и презрение советского народа».

Сама церемония присяги прошла в стенах училища, на центральном плацу, при большом стечении народа.

9 сентября 1979 г. Моя присяга. Недоволен своей строевой выучкой

Стою во втором ряду, без очков, под портретом Брежнева, а в первом ряду: Евгений Тепляков, Роман Резниченко и Олег Аганин

Из Лыскова на присягу приехали мама, папа и брат Игорь. После торжественного действа и праздничного обеда (с коржиком) всех нас, «военных неопитов», выпустили за ворота КПП училища, это было наше первое увольнение. Тех, к кому приехали родители, и, естественно, воронежских отпустили до утра, а остальных – только до «отбоя».

Родители остановились в местной достопримечательности, гостинице «Центральная», что на проспекте Революции (бывшей Большой Дворянской улице). Когда-то в ней находили пристанище такие известные личности, как А.П. Чехов, И.А. Бунин, В.В. Маяковский. Это действительно самый центр Воронежа. Поэтому, отведав в номере обильных плодов поволжской и воронежской кухонь, мы вышли для фотосессии.

Из первых рук узнал о судьбах своих одноклассников и одноклассниц. Наш 10 «а» был сильным классом и по уровню подготовки учеников, и по служебному положению их родителей. Но то, что из 25 человек почти все в первый же год поступят в горьковские вузы, стало неожиданностью. Значит, скоро у нас появятся свои: врачи, учителя, инженеры, переводчики, химики, речники, экономисты и офицеры.

С отцом после присяги

С мамой и братом Игорем

Из нашей небольшой школьной компании Игорь Шургалин (Гоша, он же Гога) поступил в Горьковское высшее зенитно-ракетное командное училище ПВО (ещё один из класса, избравший стезю профессионального военного); Анатолий Козлов (Толич) стал студентом французского отделения факультета переводчиков Горьковского института иностранных языков;

Андрей Васильев (Энри Седой) поступил в Горьковский институт инженеров водного транспорта, в перспективе – станет начальником речного или морского порта.

Студент ГПИИЯ А. Козлов

Студент ГИИВТ А. Васильев

О судьбах своих друзей я узнавал из немногочисленных писем. Исправно пишет лишь Гоша, видать, ему тоже несладко.

Но праздник, который так долго ждали, быстро закончился, и родственники уехали. Всё, принесённое нами из родительских «закромов» в казарму (конфеты, печенье, фрукты, варенье

и мёд, мази, пластыри, кусочки мыла, тюбики зубной пасты), было немедленно конфисковано начальником курса и якобы «выброшено в пропасть».

Свободного времени нет совсем, хотя по распорядку дня оно вроде как должно быть. В том числе – один час после занятий перед обедом, но сейчас мы готовимся к смотру строевой песни, и этот час маршируем на плацу, истошно вопя от голода. Затем должны предоставляться 30 минут отдыха после обеда, но уже через 10 минут нас строят и ведут наводить порядок на территории. После самоподготовки, перед ужином, также записаны 30 минут свободного времени до ужина. Но на этот отрезок времени «лапу наложил» командир нашего отделения (а я считал его неплохим парнем). Он уверен, что мы присягнули не Родине, а непосредственно ему, по этой причине он строит нас и проводит дополнительное занятие по совершенствованию нашей строевой подготовки.

Только снова поднимает нас с зарей, и уводит за собой в незримый бой...

В общем, начались нормальные военные будни: дневные и ночные тревоги, бег в противогазах, марш-броски, кроссы. А в связи с проверкой комиссии ВВС МВО нас поднимают в любое время суток. Под дождём мы стоим в «парадках» на плацу в полной «выкладке», то есть с автоматами, противогазами, подсумками, штык-ножами, шинелями «в скатку», вещмешками и прочим движимым и недвижимым имуществом. Стоим, мокнем под дождём и недоумеваем – зачем это надо московской комиссии?

Несмотря на жёсткий регламент наших будней и замкнутость пространства в увольнение ходить совсем не хочется. Больно смотреть на увольняемых, когда перед увольнением их по два часа осматривают, как цыгане лошадей на ярмарке, инструктируют до слёз, сначала старшина, затем курсовой офицер или начальник курса, а напоследок – дежурный по училищу. И когда они, бледные, потные и нервно вздрагивающие, выползают в 18.30 за ворота КПП, зная, что вернуться должны не позднее 21.30, то завидовать им совсем не хочется. Да, воронежских ещё можно понять: за три часа они успевают дома вкушать человеческой пищи и понежиться в ванной.

30 сентября 1979 года

На прошлой неделе наша группа опять была в наряде по кухне. Это следует запечатлеть. Мне досталась роль «официанта» в зале на 350 мест, где приём пищи осуществляется три раза в день, в три смены. Моей задачей, в отличие от функций привычного официанта, было не приём заказов и получение «чаевых», а уборка со столов неубранной посуды и всяческих

объедков, подметание и мытьё полов и т.д. Свою работу после ужина закончил около 23.00 и даже успел этому порадоваться, когда узнал, что в овощерезке сломались обе картофелечистки. О, наивный! Весь наряд до шести утра не «глазки», как обычно, выковыривал из картошки, а чистил её, густо облепленную чернозёмом, вручную, затем ещё отмывал в трёх водах. А в 06.30 мы заступили на дежурства на своих рабочих местах, впереди были ещё завтрак и обед. После смены с наряда нас по случаю субботы повели на вечерний сеанс в клуб, но, честное слово, мы имеем весьма смутное представление, о чём был этот фильм.

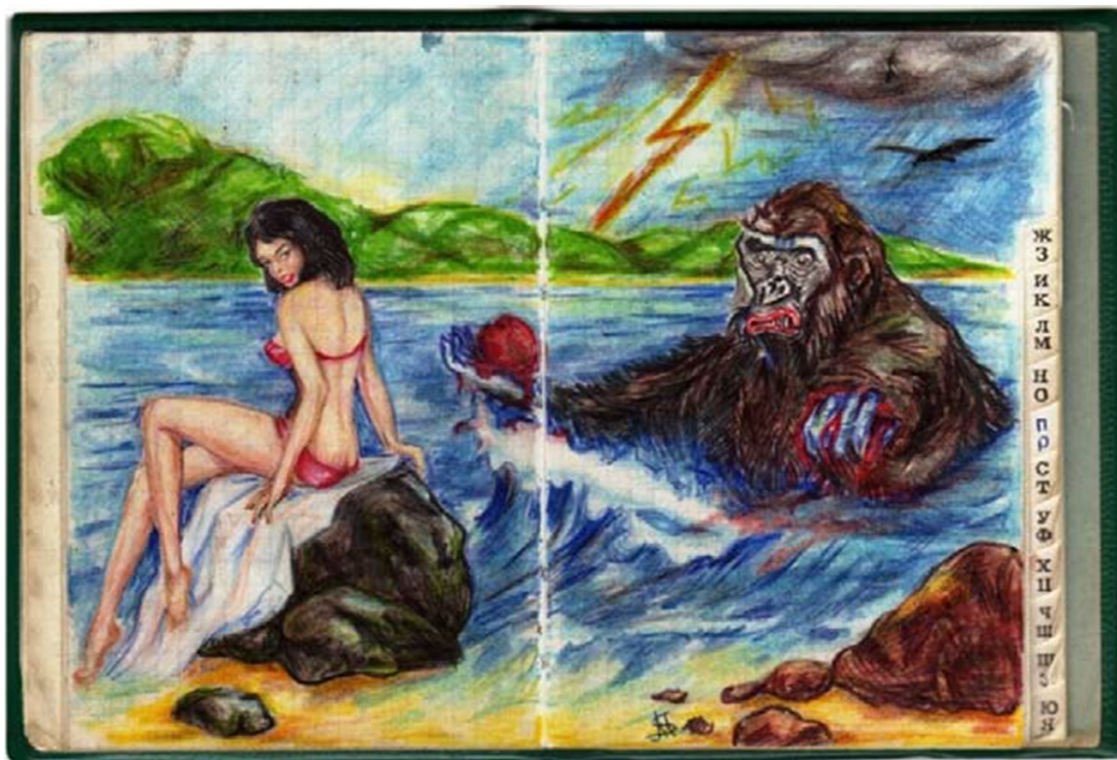
Вчера нарисовал портрет одного курсанта нашей группы – Мартина Сергея, он его отослал родителям в Ленинград. После этого художественного сеанса окружающие меня долго корили за то, что я «зарываю талант в землю», поступив в ВВВАИУ, а не в Академию художеств. Да, знаю я цену своему «таланту»! Не без способностей, конечно, мальчик, но не более того. Кстати, меня назначили редактором «Боевого листка». Если прибавить очередь из товарищей по оружию на увековечение в портретах, учесть заказы на «блокнотную живопись» – то я уже обеспечен работой до конца учебного года.

Сдали по «червонцу» на закупку инструментов и аппаратуры для собственного вокально–инструментального ансамбля.

Получил бандероль из дома, но прежде она прошла через руки курсового офицера. Мари-хуаны, гашиша, героина, коньяка, водки и антиправительственной литературы обнаружено им не было. Она, хоть и растерзанная, была вручена мне.

Примеры моего «блокнотного творчества»

Каждый день на утренней зарядке бегаем «бермудский треугольник», это почти четыре километра по дамбе и по берегу водохранилища, иногда с нами бегают начальник курса майор Сотсков. Ему под сорок, спортивного типа, поджарый, говорят, что кандидат в мастера спорта по бегу и мастер спорта по лыжам – или наоборот. Ясно, что из нас он тоже хочет сделать или спортивную роту, или табун лошадей. А ещё он много лет прослужил комендантом, сначала в Борисоглебском лётном училище, а затем в нашем. Лично ловил в «самоволках» курсантов, убежать от него было нереально. Мы его первый серьёзный педагогический опыт. Чувствую, что обоюдное веселье нам гарантировано.

Сегодня по «физо» сдавали бег на три километра: холод собачий, ветер с водохранилища слезу вышибает. Первый прибежал с результатом 13 минут 21 сек., последний – 18 минут, у меня 15 минут 20 сек. Трое не добежали – сошли.

12 октября 1979 года

Нам выдали тёплое нательное бельё, всей группе 52-й размер. Ну, ладно, у меня 46–48, а у Женьки Брежнева, наверное, 42–44.

Переодели нас в ПШ (полушерстяное обмундирование) и пилотки сменили на фуражки – стало значительно теплее.

Попросил родителей не высылать более «десятки» в месяц и попытался объяснить бабушке и дедушке, что на них поборы в мою пользу вообще не распространяются. Если бы не бесконечные взимания денег на «ротные нужды» и второго «червонца» на ансамбль – суммарных почти «двадцати» в месяц мне было бы более чем достаточно.

Боевые листки выпускаю еженедельно, рисую карандашами и фломастерами, по всеобщему мнению, они – лучшие на курсе, хотя отдельным личностям не нравятся критические замечания в их адрес. Но вообще-то мои листки, которые положено менять каждую неделю, ребята не выбрасывают, а хранят или отсылают в письмах домой. Рисую ребятам с фотографий портреты их любимых девушек.

Материал по предметам становится всё сложнее. «Двоек» ещё не нахватал, но утешение слабое. Особенно тяжело – по математическому анализу и аналитической геометрии. Знатоки

со старших курсов говорят, что количество часов высшей математики по нашей специальности превышает даже их объём на физико-математическом факультете университета. Главное не «завалить» первую сессию.

Погода установилась прекрасная: тепло, сухо, солнечно.

26 октября 1979 года

Вчера было хождение в ночь, то есть занятия по ориентированию на местности в ночное время. Нас вывезли за город, где мы должны были по указанному маршруту выйти в указанное на карте место в установленное нам время.

Туман, темнота, густые заросли и запутанность маршрута не стали серьёзным препятствием для нашей команды из пяти следопытов (все команды шли своими маршрутами). При помощи компаса, карты и вдохновения через 1 час и 10 минут (на полчаса раньше положенного срока) мы пришли на заданный рубеж, обеспечив себе «отлично», припоздавшие группы получили «уды».

В субботу работали на территории училища, а в воскресенье нас направили на вагоно-ремонтный завод, где мы зарабатывали училищу стройматериалы, собственно говоря, их мы и разгружали на заводе.

Выдали шинели, мне достался 50-й размер, «толстею» не по дням, а по часам.

Чтобы контролировать состояние учёбы, здесь ежемесячно выставляют промежуточные оценки по предметам. У меня «неудов» и задолженностей нет. За последние ночи ликвидировал долги по начертательной геометрии.

По общей физике идёт кошмарный материал, по двадцать-тридцать формул за лекцию, а на групповых занятиях по этим формулам решаем задачи. Вот вчера мне выпал жребий отдуваться за всех. Экзекуция длилась минут двадцать пять, задачи были по криволинейному движению, неожиданно получил «пятёрку». А вот контрольную по матанализу написал только на «тройку».

Больше всего меня волнует сдача зачёта по физподготовке, особенно упражнения на перекладине.

Нам выдали централизованно закупленные на наши деньги (сдавали по 4 руб. 80 коп.) чемоданы для поездок в отпуска, вырублены они из цельного куска дерева и обтянуты весёленьким светло-коричневым дерматином. По внешнему виду очень напоминают сундуки с ручками или чуть уменьшенные копии переносных гробов.

Строевой смотр в зимней форме одежды

Сегодня в числе делегатов от курса (по три человека от группы) сидел на XV комсомольской конференции ВВВАИУ. На ней присутствовал заместитель командующего Московского военного округа по тылу молодой сорокалетний генерал-майор Кондратенко. Мы были в парадной форме и голосовали не руками, а мандатами. Обедали мы, как делегаты, никуда не спеша. Пока принимали пищу, духовой оркестр в фойе столовой играл лёгкую музыку. На память о мероприятии у нас остались памятные значок, блокнот и ручка. В заключение посмотрели двухсерийный отечественный фильм.

Погода установилась почти зимняя, полетели «белые мухи», а на деревьях ещё много зелёных листьев, да и цветы на клумбах ещё не осыпались.

Начальство переделало нас в шинели и шапки-ушанки и провело строевой смотр.

Вообще-то, постоянно мы ходим в ПШ (полушерстяных куртке и бриджах) и шапке, шинели надеваем лишь при патрулировании, в караулах, на занятиях по строевой подготовке или на длительных переходах.

12 ноября 1979 года

День «восемнадцатилетия» прошёл нормально: учился, получал поздравления, совместно с окружающими жевал пришедшие бандеролью конфеты.

Свободного времени мизерно мало, его я трачу на написание писем, рисование картинок и портретов (сослуживцам). Чего не делаю совершенно, так это не читаю. Нечего! Хотя и сдали по 4 рубля на периодическую печать, но её мы используем по прямому назначению.

Перед ноябрьскими праздниками отстояли подряд по два наряда, причём один из них по клубу, где самым тяжёлым было не физический труд, а эмоциональное истощение. Смотреть четыре раза подряд патриотический фильм на производственную тему – ещё то удовольствие, но чего не сделаешь ради обещанного суточного увольнения?

Седьмого числа отшагали на параде. Мишу Романова сняли с должности командира отделения и поставили Галкина, который отслужил два года срочной службы. Гнёт усилился.

В увольнение с 8 на 9 ноября пошли с Олегом Аганиным, Сергеем Мартиным, Лёней Гурарием и Женей Тепляковым. Сняли номера в гостинице «Центральная» с телевизорами, почувствовали себя «белыми людьми». Вечером позволили себе немного алкоголя. Правда, спиртное нам покупали две сердобольные взрослые двадцатипятилетние дамы, пожалевшие

несчастных «минусов» (так называют первокурсников за одну «курсовку» на рукаве). Прокотив почти все деньги восьмого числа, девятого мы подъедались по дешёвым столовкам.

В честь 62-й годовщины Революции всем младшим командирам присвоили воинские звания младших сержантов. Это дало им колоссальный запас энергии и пробудило в каждом из них глубоко дремавшие ораторские способности.

Сходили в караул, их в училище два: № 1 – на основной территории и № 2 – во втором учебном городке. В первом – безопасней, во втором – спокойней.

После непродолжительной зимы наступила осень. По территории училища расплозлось необъятное море тёмно-коричневой жижи. Моросит холодный дождь.

27 ноября 1979 года

Неделю назад ночью нас привлекли к ответственному мероприятию. Мы стояли на перроне воронежского вокзала в оцеплении эшелона с призывниками. Зрелище было неопишное: за нами из окон и дверей вагонов тянулись головы и руки нетрезвых новобранцев, а перед нами бушевала стихия пьяных родственников и друзей. Они через наши головы пытались не только влить в своего «родного» последний стакан самогона, но и вытащить это тело из душного вагона и отпустить его на свободу. Толпа была настроена достаточно агрессивно, в руках у них мелькали бутылки и колюще-режущие предметы, но страха у нас не было, хотя мы не были вооружены. Мы впервые почувствовали себя единым целым, противостоящим тёмным человеческим силам. Лично я для себя понял, что профессиональные военные – это отдельная каста и понятие «боевое братство» – не пустой звук.

Караульная служба и опасна, и трудна

С учёбой пока не очень ровно, хотя уже началась пора сдачи зачётов. По одним предметам зачёты сдаю легко, по другим начинаю «пробуксовывать». Конечно, очень хочется побывать дома на зимних каникулах, но не сдавших зачёты не допускают к сессии, а не сдавших сессию не отпустят на каникулы. Вот такая прямая зависимость.

Вчера была конференция первых курсов по укреплению воинской дисциплины и повышению боеготовности. Затем на сцене появились самодеятельные курсанты-артисты, которые показали какие-то вульгарные сценки из народной жизни. Да, искусство в большом долгу перед армией. Надеюсь позднее поучаствовать в процессе подъёма сценического мастерства на должный уровень.

Записался в библиотеку училища – скорее по приказу, чем по зову сердца, ибо и выбор нищенский, и читать некогда.

У меня появился «блат» в лице Олега Аганина, которого назначили курсовым почтальоном, то есть тем лицом, которое приносит в казарму газеты, письма, телеграммы, извещения на переводы и посылки. Родители исправно присылают посылки со сладостями, рисовальными принадлежностями, общими тетрадями для конспектов и прочими предметами первой необходимости.

11 декабря 1979 года

Появилась дополнительная нагрузка, а быть может, – отдушина. Пару недель назад к нам на курс приходил какой-то деятель искусств и отбирал кандидатов в академический хор при Дворце культуры им. В.И. Ленина, который принадлежит одному из крупных предприятий города, Воронежскому авиастроительному заводу. Набрал человек пятнадцать, в том числе и меня. Всё же не даром папа и мама многие десятилетия поют в хоре. Да и оконченная музыкальная школа должна дать хоть какие-то положительные результаты. Провели уже четыре репетиции – пока не выгнали. Репетируем три дня в неделю: среда, суббота, воскресенье. Так часто потому, что готовим выступление на концерте 23 декабря – в честь 30-летия нашего училища.

Дворец культуры очень солидный, похож на хорошие областные театры, явно послевоенной сталинской постройки, с колоннами.

Кроме «мальчиков-курсантов» семнадцати лет, в хоре поют ещё и «девочки», младшей из которых лет сорок пять. Руководитель хора молодой человек, и он во многом идёт нам навстречу. Перед и после репетиций посещаем буфет, с пивом и бутербродами.

В выходные дни после репетиций остаёмся посмотреть фильм или эстрадный концерт. Нам (как своим во Дворце) разрешают рассаживаться на свободные места бесплатно. Уже посмотрели концерт ВИА «Синяя птица». Ездим на репетиции одни, без офицеров и сержантов, в повседневной форме, без всяких инструктажей и проверок. Поэтому я предпочитаю посещать город именно таким образом, а не по индивидуальной увольнительной.

Памятный знак в честь 30-летия Воронежского ВВАИУ

По курсу начинает ходить грипп, многие жалуются на недомогание. У меня появляются первые признаки, но в санчасть не пошёл – некогда, да и положить могут. Совсем выздороветь не получается, по утрам бегаем «треугольник», а потом, разгорячённые, слушаем на ветру перед казармой нотации старшины. Погода тоже странная: то подмораживает, то отпускает, то идёт снег, то – дождь.

22 декабря 1979 года

Чем ближе сессия, тем острее становится вечный вопрос, что первично в жизни советского курсанта: служба или учёба? Слишком часто они вступают друг с другом в прямое столкновение. Преподаватели и слышать не желают о нарядах, работах, караулах и строевых во время занятий и самоподготовки, а командование – наоборот. Побеждает в этом поединке почти всегда не гигант Голиаф (учебный процесс), а хитроумный и юркий Давид (военная служба), со своим трёхголовым помощником Уставом служб (внутренней, гарнизонной и караульной).

Нам выдали «зачётки», теперь с этой коричневокожей книжицей предстоит обивать пороги экзаменационных аудиторий в течение почти пяти лет.

Порядочное количество наших курсантов сейчас отсыпается в санчасти – подкосила их «болезнь-лихоманка». Мой насморк перешёл в хроническую стадию.

В преддверии наступающего Нового года ночами предстоит рисовать, чтобы украсить казарму новогодними картинками. Недавно нам показали новый автоматный патрон калибром 5,45 мм для новых «калашей». Он недавно принят на вооружение. Штатно патрон снаряжается пулей, которая покрыта оболочкой из медного сплава, а внутри содержится сердечник из мягкой стали. Говорят, что из-за смещённого центра тяжести он причиняет значительные повреждения, так как, попав в одну часть тела, выходит совершенно в другой.

7 января 1980 года

По закону подлости 28 декабря загремел в санчасть с ангиной, когда основная масса моих однокурсников уже выходила в мир здоровых. Правда, несколько человек с осложнениями уже пару недель лечатся в гарнизонном госпитале.

В новогоднюю ночь, когда температура почти нормализовалась, я сидел на полу (стульев на всех не хватило) перед маленьким мутным чёрно-белым телевизором и мечтал о кусочке сахара.

В санчасти провалялся до 6 января и вышел как раз за день до первого экзамена. Это была история КПСС. Вы сейчас облегчённо вздохнёте, мол, здесь-то можно что-то ответить всегда. Так думал и я, лёжа в санчасти, не имея возможности готовиться: нет ни учебников, ни конспектов. Да и не до них мне было, когда меня в полуобморочном состоянии вели в санчасть. Пролистать за несколько часов 400 страниц учебника и вы зубрить 25 ленинских работ оказалось просто нереально.

Экзамен стал крахом моих надежд стать отличником. Сколько себя помню, мне всегда везло на экзаменах, но не в этот раз. Прочитав вопросы билета, я чуть не грохнулся в обморок – сказала слабость после болезни. А тут ещё прямо передо мной курсант получил «неуд». Подполковник-экзаменатор был зол и нервно курил прямо в аудитории. По вопросам я не знал ничего, пришлось отвечать, применяя своё красноречие и умение прикрываться общими фразами. Пронесло, в зачётке появилась спасительная и вместе с тем обидная «удочка».

Казалось, что это были только цветочки, ведь впереди предстояли экзамены по математическому анализу, аналитической геометрии и физике. Они на удивление прошли более буднично и вполне предсказуемо. Во-первых, было время на подготовку, нормальные конспекты, были товарищи, которые могли прояснить неясные вопросы. Во-вторых, я уже достаточно окреп физически и морально. Да, отличных оценок нет, но мы люди не гордые, в медалисты не лезем.

По окончании сессии большинство курсантов упаковало чемоданы и убыло на двухнедельные зимние каникулы. Десятка три заваливших её остались куковать в казарме.

Чем раньше сдашь экзамены, а пересдача была возможной за 3–6 дней, тем быстрее окажешься дома. К сожалению, зимние каникулы не увеличиваются на время нахождения в пути и не являются, в отличие от летнего отпуска, обязательными. Кто-то, возможно, останется совсем без отдыха. Печально.

Второй семестр

8 февраля 1980 года

Разве можно передать словами чувства выпущенного на свободу человека, даже если он сам себя «приговорил» к этим годам несвободы.

Двухнедельный отпуск в первых числах февраля пролетел как одно мгновение. С друзьями повидался «на лету». Такое ощущение, что мама в первый день постирала моё нательное бельё и ХБ и как будто я его, ещё влажное, укладываю в чемодан перед отъездом. Главный урок, который я крепко усвоил: из каникулярного времени нельзя терять ни минуты.

Вчера вернулся в родные пенаты. Долго раскачиваться не пришлось, уже сегодня начался второй семестр, первой была лекция по «термеху» (теоретической механике).

Погода для Воронежа стоит зимняя, -16°C , выпали горы снега. Мы не только расчищаем от него все дорожки и плац перед казармой, но и укладываем снег ровными слоями на газоны, превращая последние в правильные геометрические фигуры. Этот бестолковый труд – целое искусство.

По казарме прошёл слух, что летний отпуск намечается в августе.

23 февраля 1980 года

Два дня назад случилось неожиданное происшествие.

Я спокойно готовлюсь к заступлению в наряд по роте, когда меня вызывает в канцелярию наш курсовой офицер капитан Казаков, говорит, чтобы я шёл к старшине, брал у него увольнительную до 21.00, и даёт мне домашний адрес подполковника Попова, по которому я и должен прибыть. Я заявил, что заступаю в наряд. С наряда он меня не снял, но сказал, что уйду после развода нарядов (19.00), но всё равно лишь до 21.00.

Пошёл по указанному адресу, благо это было в двух автобусных остановках от училища, и встретился там с подполковником А.П. Каниным. Он прибыл на сборы начальников метеослужб ВВС, проводившимся в этом году на базе нашего училища. За столом сидело человек десять полковников и подполковников, начальников метеослужб военных округов, воздушных армий и корпусов.

Я чувствовал себя не совсем в своей тарелке. Вполголоса поговорил с дядей Сашей, ну и, как настоящий курсант, успел поесть. Естественно, господа старшие офицеры сидели не «на сухую», но спиртного мне не предлагали. Затем они поехали в гостиницу, а я пошёл нести службу.

Уже чувствуется приближение весны, а начальник курса развернул бурную лыжную кампанию. Помимо плановых занятий по физподготовке мы теперь каждое воскресенье становимся на лыжи и пробегаем дистанцию 5 или 10 км.

Последний кросс мне даже понравился. Трасса проходила в лесу, стояла солнечная морозная погода. Шёл не торопясь (главное – не быть в числе последних) и любовался покрытиями сверкающим инеем елями. Леса здесь по-своему хороши. Не бескрайняя сибирская тайга, но посмотреть есть на что. Почти полностью вырубленные в петровские времена на постройку кораблей, леса вокруг города стали высаживать ровными рядками.

В армии считают излишним использовать специальные лыжные ботинки, крепления к ним, облегчённые пластиковые лыжи, специальные смазки. Всё просто: привязываешь свои родные сапоги брезентовыми ремнями к двум плохо оструганным узким доскам с заострёнными и слегка загнутыми передними частями, берёшь в руки заострённые металлические палки с ремешками и выходишь на старт.

Для курсанта на лыжном кроссе главное – не результат, а участие

Вчерашний кросс на 10 км, посвящённый празднику, не обошелся для меня без курьёза. Всё шло как обычно, бежал в меру своих скромных сил, когда на шестом или седьмом километре у меня от правой лыжи оторвался фиксирующий ногу брезентовый ремень. Весь оставшийся путь до финиша я проделал, как полулыжник-полупешеход.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.